

Vigdis Hjorth

ARV OG MILJØ

Вигдис Йорт

НАСЛЕДСТВО

МОСКВА
2020

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
И75

Vigdis Hjorth
ARV OG MILJØ

Copyright © CAPPELEN DAMM AS 2016

This translation has been published
with the financial support of NORLA,
Norwegian Literature Abroad.

Это издание подготовлено
при финансовой поддержке NORLA.

Перевод с норвежского *Анастасии Наумовой*
Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Йорт, Вигдис.

И75 Наследство / Вигдис Йорт ; [перевод с норвежского
А. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-108249-9

Спустя два десятка лет из-за смерти отца Бергльот возвращается в лоно семьи.

Три сестры и брат собираются за одним столом из-за спора за наследство, которое, как они считают, поделено совершенно несправедливо. Однако конфликт куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Почему старшие дети получили гораздо меньше, чем младшие? Чем Бергльот и ее брат провинились перед семьей?

Многогранный, оставляющий горькое послевкусие роман Вигдис Йорт завораживает своей непередаваемой скандинавской атмосферой и беспощадным, почти шокирующим сюжетом.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© Наумова А., перевод на русский
язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108249-9

Сделай то, что должен, так, словно
хочешь этого.

Славой Жижек

Мой отец умер пять месяцев назад. Считать, что он ушел в удобный момент или в неудобный, — это зависит от того, чьими глазами посмотреть. По мне, так он не имел ничего против того, чтобы уйти вот так внезапно и именно тогда. Узнав о его смерти, я даже подумала, что он сам все устроил, — правда, мне так казалось, пока я не услышала подробностей. Для случайности все выглядело чересчур картинно.

За несколько недель до смерти отца мои родные яростно спорили, а предметом их споров было наследство — у них все никак не получалось поделить принадлежавшие нашей семье летние домики на острове Валэр. И всего за два дня до того, как отца не стало, я тоже ввязалась в этот спор, приняв сторону старшего брата и выступив против двух моих младших сестер.

Об этой ссоре я узнала самым удивительным образом. Я с нетерпением ждала того субботнего утра, потому что дел у меня никаких не планировалось — разве что подготовить материалы для семинара о со-

временной драме, который должен был состояться тем же вечером в Фредрикстаде. И тут мне позвонила Астрид, моя сестра. Ноябрьское утро было чудесным и ясным, в окна светило солнце, и можно было бы подумать, что на дворе весна, если бы деревья не тянулись голыми ветками к небу, а земля не покраснела от опавшей листвы. Меня переполняла радость, я сварила кофе и предвкушала, как поеду в Фредрикстад, как по окончании семинара буду бродить по улочкам, как мы с собакой — а я собиралась взять ее с собой — заберемся на земляной вал и станем любоваться видом на реку. Я пошла в душ, а когда вышла, то увидела, что Астрид звонила уже несколько раз. Наверное, по поводу статей, которые я помогала ей редактировать.

Ответила она шепотом. «Подожди-ка», — сказала она, а где-то рядом с ней что-то жужжало, словно Астрид находилась в помещении с электроприборами. «Подожди, — по-прежнему шепотом повторила она, — я в больнице». Теперь слышно ее было лучше, жужжание стихло. «Я тут с мамой, — сказала она, — но с ней все в порядке. Опасности нет».

«Передозировка, — сказала она, — мама ночью переборщила с лекарством, но сейчас уже все хорошо, просто она немного устала».

Такое случалось и прежде, но тогда этому событию предшествовала долгая череда трагических событий, поэтому я не удивлялась. Астрид повторила, что все хорошо и что опасности нет, но что пришлось ей не-

легко. Мама позвонила ей в пять утра и сказала, что ей плохо: «У меня передозировка». Астрид с мужем были накануне вечером на празднике, только-только вернулись домой и вести машину не могли, Астрид позвонила отцу, тот нашел мать лежащей на полу в кухне и связался с соседом, врачом по профессии. Прибежавший на помощь сосед сомневался, стоит ли вызывать «Скорую», но на всякий случай все же вызвал. «Скорая» отвезла маму в больницу Диаконийемме, где мама сейчас и лежала, — ей ничего не грозило, но она чувствовала себя очень, очень уставшей.

«Почему?» — спросила я, и Астрид забормотала что-то невнятное, но мало-помалу я поняла, что наши семейные дачи на острове Валэр достались двум моим сестрам, Астрид и Осе, а нашему брату Борду об этом не сообщили, и когда он обо всем узнал, то понял, что недвижимостью еще и оценена чересчур дешево. «Ему это не понравилось, и он прямо взбесился», — заявила Астрид. Недавно она написала ему — маме исполнилось восемьдесят, отцу — восемьдесят пять, готовилось торжество, и Астрид спросила у Борда, придет ли он с семьей на праздник, но Борд ответил, что не желает ее видеть, что она захапала себе дачу на Валэре, что этот случай лишь в очередной раз доказывает, как несправедливо на протяжении многих лет распределялись в семье финансы и что справедливости Астрид хочет лишь для самой себя.

Услышав этот тон и выражения, Астрид ужаснулась и показала это сообщение маме, которая тоже встре-

вожилась, приняла чересчур большую дозу лекарства и угодила в больницу, так что в какой-то степени это Борд во всем виноват.

Когда Астрид позвонила ему и рассказала о передозировке, Борд обвинил в случившемся ее. «Он такой равнодушный, — пожаловалась она, — и в войне использует самый нечестный способ. Детей». Дети Борда удалили Астрид и Осу из друзей в Фейсбуке и написали нашим родителям, что им жалко терять дачу. Мама очень испугалась, что дети Борда прекратят с ней общаться.

Я попросила Астрид пожелать маме от меня скорейшего выздоровления. Что мне еще оставалось делать? «Ей это будет приятно», — ответила Астрид.

Удивительно, какие случайности приводят нас к людям, которые впоследствии определяют ход нашей жизни, подталкивают или заставляют делать выбор, меняющий жизненный путь. А может, это вовсе не случайности? Может, мы чувствуем, что эти люди способны подтолкнуть нас к тому пути, которым мы осознанно или бессознательно желаем пойти? Поэтому таких людей мы и не отталкиваем. А кто-то, возможно, готов столкнуть нас с желанной дороги, и от таких людей мы стараемся отдалиться? Удивительно, насколько исход решающего для нас дела может зависеть от некоторых людей лишь потому, что нам вздумалось спросить совета именно у этого человека.

Кофе я так и не выпила — разволновалась, оделась и вышла проветриться на улицу. Мне казалось, что реагирую я чересчур бурно. Я позвонила Сёрену, знавшему нашу семью лучше других моих детей. Его случай с передозировкой, разумеется, удивил, однако с бабушкой такое и прежде бывало, и все всегда заканчивалось хорошо, она успевала вовремя позвонить близким. Когда я дошла до дач и оценки имущества, сын задумался и сказал, что понимает, почему Борд так отреагировал. В отличие от меня, Борд с родителями не порывал и постоянно был рядом, может, не так близко, как Астрид и Оса, но ведь не штрафовать же его за это.

Я позвонила Кларе. Та возмутилась. Заигрывать с самоубийством — это плохо. Отдавать семейные дачи двум из четверых детей, да еще и занижая при этом стоимость имущества, — это никуда не годится.

Конечно, это только родители вправе распределять наследство, но в последние годы они неоднократно заявляли, что имущество распределят среди детей поровну. А теперь получается, что в качестве компенсации за дачи мы с Бордом получим совсем ничтожную сумму. Как я поняла, Борд разозлился из-за этого и еще потому, что никто ему не сказал, что сделка уже состоялась. Мне тоже не сообщили, но я порвала с родными много лет назад. В последние двадцать лет из всех родственников я общалась только с Астрид — моей младшей, но не самой младшей сестрой, да и ей

звонила лишь пару раз в год. Так что я здорово удивилась, получив несколько месяцев назад поздравление с днем рождения от моей самой младшей сестры, от которой сто лет не было ни слуху ни духу. Она писала, что и раньше поздравляла меня, но посылала поздравления на неправильный номер. Все встало на свои места. До этого момента против одного Борда было двое сестер — Астрид и Оса, но с моим появлением все могло измениться. Тем не менее я сказала, что наследство меня не интересует. Мои сестры надеялись, что при этом мнении я и останусь, но уверенности у них не было. Я сказала об этом Астрид, когда та уговаривала меня помириться с родителями. Она давила на чувства — по крайней мере, мне так показалось, — расписывала, как им меня не хватает, что они постарели и скоро умрут, почему бы мне не прийти на какой-нибудь семейный праздник или юбилей? Наверняка об этом ее просила мама. Но разговоры о старости и смерти меня не растрогали, наоборот — я рассердилась и расстроилась. Она что, считает мои доводы безосновательными? Я же им все по полочкам разложила. Объяснила, что от матери с отцом меня тошнит, что общаться с ними как ни в чем не бывало — это себя не уважать, у меня не выйдет, я пыталась! Особенно мне стало неприятно уже позже, ночью, когда я писала ей электронное письмо. Я написала, что не желаю больше видеть родителей, что на Бротевейен ноги моей больше не будет, и что, если хотят, пусть лишают меня наследства.

Когда я порвала с ними, мать звонила много раз — мобильников тогда еще не изобрели, и кто звонит, я не знала. Она то плакала, то осыпала меня бранью, у меня аж все тело болело, но выбора не было, если уж я решила выжить и не утонуть, не уйти на дно, придется мне держаться от них подальше. Она допытывалась, почему я не хочу ее видеть, будто сама не знала, и задавала совершенно невыносимый вопрос: почему ты меня ненавидишь, ты, мое любимое дитя? Я ей отвечала бесчисленное количество раз, что вовсе не ненавижу ее, пока и впрямь не начала ненавидеть, я объясняла и объясняла, раз за разом, словно и не было предыдущих объяснений, я ведь и так чувствовала себя брошенной, неужели меня снова бросят?

Первые два года после разрыва такие звонки выбивали меня из колеи. Мать осыпала меня обвинениями и мольбами, и я совсем терялась. Потом дело сошло на нет, по-моему, она просто махнула рукой — наверное, решила, что предсказуемость и покой лучше, чем вечная нервозность из-за таких разговоров. Лишь Астрид время от времени делала робкие попытки вернуть меня в семью.

В последние годы мать редко со мной общалась. Бывало, заболев, — а это свойственно старикам, — она писала мне сообщение. «Я приболела. Давай поговорим?» Такие сообщения приходили обычно поздно вечером, мать уже была навеселе, я тоже, поэтому я просила позвонить ее следующим утром. Потом я писала Астрид, что о болезнях и лечении я с матерью

поговорю, но если она опять начнет обвинять меня, то я брошу трубку. Не знаю, доходили ли мои слова до матери, но на следующее утро она звонила и говорила о болезни и лечении, и, возможно, положив трубку, она, как и я, считала, что разговор получился неплохим. По крайней мере, она перестала изливать на меня свое разочарование и печаль и теперь, насколько я понимаю, обращалась к Астрид. Наверное, Астрид тоже нелегко бороться с маминым разочарованием и печалью, и, возможно, вовсе не удивительно, что она старалась подтолкнуть меня на путь примирения.

Порвав с родителями, я разочаровала и опечалила их, поэтому была готова к тому, что наследства меня лишат. Если же они, несмотря ни на что, не станут лишать меня наследства, значит, решат, будто выглядит такая позиция недостойно, а им хочется, чтобы их считали людьми достойными.

Впрочем, до этого было еще далеко — и мать, и отец пребывали в добром здравии.

Поэтому, получив три года назад на Рождество письмо от родителей, я удивилась. Мои взрослые дети по обыкновению заходили к ним на «маленький сочельник» — так повелось после нашего разрыва. Я сама на этом настояла: если мать с отцом виделись с внуками, то не трогали меня. Моим детям нравилось встречаться с двоюродными братьями и сестрами и возвращаться домой с деньгами и подарками. А три

года назад они принесли мне письмо. Дети стояли рядом, я вскрыла конверт и зачитала письмо вслух. Там говорилось, что родители составили завещание, по которому четверо детей получают равные доли наследства. Кроме дач на острове Валэр — Астрид и Оса смогут выкупить их по себестоимости ниже рыночной. Они рады, что могут оставить своим детям наследство, писали родители. Мои собственные дети робко заулыбались — они тоже были готовы, что в наследстве им откажут.

Получить такое письмо было удивительно. Неожиданная щедрость, учитывая, сколько горя я, как мне не уставали повторять, принесла родителям. Интересно, какого же ответного шага они от меня ждут? — давалась вопросом я.

Спустя несколько месяцев после рождественского письма про наследство мне позвонила мама. Я стояла посреди рынка в Сан-Себастьяне в окружении детей и внуков, дело было на Пасху — мы праздновали ее в квартире, которую я там снимала. Что звонит мать, я не знала, ее номера в памяти телефона не было. Ее голос дрожал, как всегда, когда она волновалась. «Борд устроил скандал», — сказала она, но о чем она говорит, я не понимала.

«Борд устроил скандал», — повторила она. Астрид сказала потом то же самое. «Это из-за завещания, — сказала мать, — но Астрид с Осой такие добрые. Такие заботливые. Они долгие годы ездили с нами на да-